

УДК 94(47)"1920"

UDC

DOI: 10.17223/18572685/47/15

СМЕРТЬ В.М. ПУРИШКЕВИЧА: НОВЫЕ ДАННЫЕ К БИОГРАФИИ ПОЛИТИКА-МОНАРХИСТА

А.А. Иванов¹, А.А. Чемакин²

¹Санкт-Петербургский государственный университет
Россия, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9

E-mail: andriv78@yandex.ru

²Россия, г. Санкт-Петербург

E-mail: chemakinanton@rambler.ru

Авторское резюме

Впервые реконструируются обстоятельства последних дней жизни и смерти известного российского правого политика В.М. Пуришкевича (1870–1920). Опираясь на новые источники, включая неизвестные ранее документы из личного архива Пуришкевича, сохранившегося в фондах библиотеки Свободного университета Брюсселя (Université Libre de Bruxelles), и публикации белогвардейской прессы, авторы опровергают бытующие в литературе мифы и вводят в научный оборот новые факты, позволяющие внести определенные коррективы в биографию политика. Особое внимание в статье уделено реакции общества на смерть Пуришкевича и тем оценкам, которые были даны ему в некрологах, опубликованных в белогвардейских газетах как правого, так и либерального направления. Самостоятельную ценность имеют впервые публикуемые фотографии из собрания библиотеки Свободного университета Брюсселя.

Ключевые слова: Владимир Митрофанович Пуришкевич, гражданская война в России, смерть Пуришкевича, монархизм, Белый Юг, Новороссийск.

THE DEATH OF V.M. PURISHKEVICH: NEW DATA ABOUT THE BIOGRAPHY OF THE POLITICIAN-MONARCHIST

A.A. Ivanov¹, A.A. Chemakin²

¹Saint Petersburg State University

7/9 Universitetskaya Embankment, Saint Petersburg, 199034,
Russia

E-mail: andriv78@yandex.ru

²Saint Petersburg, Russia

E-mail: chemakinanton@rambler.ru

Abstract

The paper reconstructs the last days and the circumstances of the death of a famous Russian politician and lawyer V.M. Purishkevich (1870–1920). The authors use new sources, including previously unknown documents from Purishkevich's personal archive from the library of the Brussels Free University (Université Libre de Bruxelles) as well as the White Guard press to destroy the common historical myths and introduce some new facts that help to modify the politician's biography. Special attention in the paper is paid to the public response to V.M. Purishkevich's death and the evaluations given to him in the obituaries of both liberal and right-wing White Guard newspapers. The photos from the library of the Brussels Free University have never been published before.

Keywords: Vladimir Purishkevich, Russian Civil War, Purishkevich's death, monarchism, the White South of Russia, Novorossiysk.

Один из самых известных российских правых политиков начала XX в. уроженец Бессарабии Владимир Митрофанович Пуришкевич (1870–1920), депутат II–IV Государственных Дум и лидер таких монархических организаций, как Союз русского народа, Русский народный союз имени Михаила Архангела, Всероссийская народно-государственная партия, не обделен вниманием историков. Однако в его биографии все еще остаются белые пятна и недостаточно хорошо исследованные сюжеты. Сюда можно отнести и сюжет, связанный с последними днями жизни Пуришкевича на Белом Юге России, с обстоятельствами его смерти и общественной реакцией на это событие.

23 декабря 1919 г. (5 января 1920 г.), за три дня до занятия Ростова-на-Дону большевиками, В.М. Пуришкевич, являвшийся на тот момент

В.М. Пуришкевич с сыновьями
Вадимом и Всеволодом.

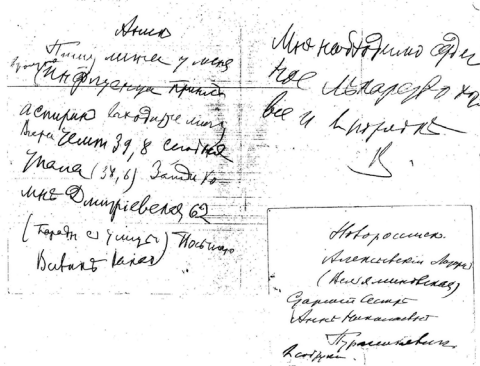
лидером Всероссийской народно-государственной партии, смог покинуть этот город сам и вывезти больного тифом сына Всеволода на поезде генерала П.Н. Врангеля в Новороссийск (ГАРФ: 4). О жизни Пуришкевича в этом приморском городе известно мало, но, судя по имеющимся сведениям, в первые дни своего пребывания в нем он был еще здоров. Руководитель ОСВАГа К.Н. Соколов вспоминал, что Пуришкевич, как всегда, энергично занимался не только политикой, но и оказанием помощи раненым и больным (Соколов 1921: 253). Писатель И.Ф. Наживин встретил правого политика в отеле «Европа» на Мартыновской улице, и они наскоро обменялись мнениями о происходящем (Наживин 1921:

309). Есть также информация о том, что известный философ князь Е.Н. Трубецкой заходил в те дни к Пуришкевичу поиграть в шахматы (Шевырин 2007: 621).

Тем временем ситуация в Новороссийске складывалась катастрофическая – как из-за развала фронта и угрозы со стороны «зеленых», так и по причине бушевавшей эпидемии сыпного тифа. «Черноморские губернские ведомости» сообщали, что число тифозных больных в Новороссийске растет с каждым днем: «В больницах и госпиталях нет мест для все прибывающих больных, не хватает врачей, фельдшеров и сестер милосердия, чтобы присмотреть за больными. <...> Зараза распространяется с поразительной быстротой и валит с ног тысячи беженцев, вырывая каждый день из их среды все новые жертвы» (Римский 1920: 2). На это накладывались и другие проблемы, усугублявшие ситуацию. Город был переполнен: вместе с беженцами там оказалось до 300 тыс. чел., в то время как перед Первой мировой войной его население составляло всего около 46 тыс. чел. Зачастую здоровым приходилось постоянно находиться вместе с больными. К тому же в начале января 1920 г. только за пять дней цены на продовольствие возросли на 150 %. В итоге людям было негде жить, нечего есть, ослабленные, они не могли сопротивляться болезни. Пресса с тревогой писала, что эпидемические заболевания стремительно распространяются и могут превратить Новороссийск в «зачумленный лагерь» (ЧГВ 1920: 2).

В этой кошмарной обстановке жертвой опасной болезни стал и В.М. Пуришкевич. Заразиться сыпным тифом он мог как при посещении в госпитале своего больного сына, так и от любого другого больного, которых в городе было несметное количество. Сохранилось письмо Пуришкевича (возможно, последнее перед смертью) жене Анне Николаевне, служившей в то время старшей сестрой Алексеевского лазарета на улице Вельяминовской. Поскольку эта короткая записка не была ранее известна историкам, приведем ее текст целиком: «Анна. Пиши мне, у меня, возможно, инфлуенца, принял аспирин, [в] выходные [стало] легче, вчера темп[ература] 39,8, сегодня упала (38,6). Зайди ко мне, Дмитриевская, 62 (парадн[ая] с улицы). Посылаю Вадику (сын Пуришкевича. – Авт.) денег. Мне необходимо сердечное лекарство, хотя все и в порядке» (BE.ULB 1: 1). Видимо, указанный в записке адрес являлся местом последнего проживания политика в Новороссийске, откуда стараниями жены его удалось перевести в госпиталь Алексеевской дивизии (ГАРФ: 4).

Как отмечал в своих более чем тенденциозных воспоминаниях Арон Симанович, именовавший себя «секретарем Распутина», В.М. Пуришкевич находился на лечении в том же госпитале, что и его сын. Согласно рассказу Симановича, «монархически настроенные сестры милосердия» считали Пуришкевича «вследствие его перехода на сторону революционеров при отречении царя» изменником, а потому полагали, что «не стоит о нем особенно заботиться». «Но его сильный организм, – писал далее Симанович, – все же поборол болезнь, и он находился уже на пути к выздоровлению. Передавали, что две сестры во время припадка дали Пуришкевичу выпить холодное шампанское, и он скоро после этого умер» (Симанович 2005: 214). Впрочем, этот рассказ о враждебно настроенных к Пуришкевичу сестрах милосердия выглядит более чем сомнительно, тем более что старшей сестрой лазарета была его жена, которая наверняка присматривала за больным мужем. Не менее сомнительны и слова другого мемуариста – видного русского генеалoga, историка, бывшего холмского губернатора и члена Всероссийской народно-государственной

Записка В.М. Пуришкевича жене.

партии Л.М. Савелова, писавшего, что Пуришкевич умер в госпитале, «отравленный жидом-врачом» (Савелов 2015: 362). Причиной преждевременной смерти был сыпной тиф, усугубленный ужасными условиями госпиталя. Как свидетельствует депутат III Государственной Думы князь А.Д. Голицын, в лазарете, где лежал Пуришкевич (а вместе с ним и князь Е.Н. Трубецкой, умерший через полторы недели после Владимира Митрофановича), был такой холод, что вода в стаканах за ночь замерзала (Голицын 2008: 529).

И.Ф. Наживин, видевший Пуришкевича незадолго до его смерти, попытался изобразить последние часы жизни правого политика в одном из своих романов: «Были среди остающихся и немало счастливцев, которые в страшных кошмарах тифа не видели страшного кошмара жизни. Среди них был и неугомонный патриот В.М. Пуришкевич, бесплодные выстрелы которого в Григория [Распутина] были первым раскатом приближавшейся грозы. Он лежал в городском госпитале и ничего уже не сознавал. Среди черно-красных картин, горящих в его мозгу, видел он и темную лестницу во дворце князя Юсупова, где тогда таились они, готовясь к убийству, и водопадами неслась красная кровь в его раскаленном мозгу, и слышались ему глухие выстрелы, и рушились новороссийские горы, и с грохотом ломалось на куски седое море, и надо было спастись и бежать, и бежать было некуда...» (Наживин 1995: 376).

После краткосрочного улучшения в состоянии здоровья в субботу, 11 (24) января 1920 г., В.М. Пуришкевич скончался. Страшная болезнь длилась как минимум неделю, а в госпитале правый политик находился пять-шесть дней. Пуришкевич застал агонию Белого движения, но волею судьбы ему не довелось стать свидетелем полного краха своей борьбы. Ему не пришлось прозябать в эмиграции; не стал он и жертвой большевиков. Яркий и деятельный, немногим не дожив до пятидесяти лет, он ушел вместе со старой Россией, за интересы которой он в меру своего понимания практически всю жизнь активно боролся, скончавшись в Новороссийске – на одном из последних клочков русской земли, еще не занятых красными. «Смерть позволила ему не увидеть крушения Белых движений и не поставила перед ним рокового вопроса: где же тот путь, которым надо идти, когда и *путь Белых движений оказался закрытым?*» (Маклаков 2005: 18).

Так что, возможно, Наживин был прав, называя Пуришкевича «счастливецem». С писателем, по сути, были согласны и родственники покойного. Мать политика – Луиза Владимировна Пуришкевич, жившая в эмиграции в югославском городе Вранье, писала, что ее сын «умер, до конца исполняя свой долг патриота», что «Бог его взял вовремя, не увидел он, как погибла Россия, которую он беззаветно

любил» (Пуришкевич 1922: 3). Не увидел он и смерти младшего сына Вадима. Воспитанник пятого класса Училища правоведения Вадим Пуришкевич (1901–1920) поступил вольноопределяющимся в Добровольческую армию в начале 1919 г. В ноябре он был произведен в корнеты лейб-гвардии конно-гренадерского полка, однако уже 17 февраля 1920 г., пережив отца лишь на месяц, пал смертью храбрых в бою с Первой конной армией С.М. Буденного под станицей Егорлыкской на Кубани (Литвинов 1930: 140; Волков 2002: 394). Как сообщала газета «Вечернее время», «во время одного из последних боев два эскадрона добровольцев врубались в ряды красных, причем во время атаки под ударами красноармейцев пали: сын Пуришкевича, граф Гендриков, князь Кудашев и другие» (Вечернее время 1920: 1). Старший сын Всеволод Пуришкевич (1899–1953), также служивший в Белой армии, в связи с этим отмечал, что его отец должен быть счастлив, что не пережил младшего сына, так как «он страшно любил Вадима, и, когда мы оба были в Добр[овольческой] Арм[ии] на фронте, то летал как орел от одного к другому, читал лекции и на собранное одевал наших боевых сотоварищей» (ГАРФ: 1).

Похороны В.М. Пуришкевича состоялись в понедельник, 13 (26) января. Описания их достаточно противоречивы. Так, «Черноморские губернские ведомости» сообщали, что они прошли при большом стечении народа, во время заупокойного богослужения в соборе епископ Евлогий (Георгиевский) и отец Свентицкий произнесли речи, посвященные общественно-политической деятельности покойного, а на гроб его возложено было много венков (Похороны 1920: 3). Примерно в том же ключе было выдержано и сообщение «Русского времени»: «Вчера, 13 января, состоялись похороны В.М. Пуришкевича. Гроб с телом покойного был перенесен из Алексеевского госпиталя в собор. Во время заупокойного богослужения еп. Евлогий и о. Свентицкий произнесли речи, охарактеризовав в них деятельность В.М. и его заслуги перед родиной. Отдать последний долг усопшему прибыли представители власти, общественные деятели, родственники и друзья В.М., возложившие на его гроб много венков» (Русское время 1920: 4). Один из лидеров кадетской партии князь П.Д. Долгоруков также вспоминал, что на похоронах «буйного» Пуришкевича было «много народу» (Долгорукий 2007: 129). Епископ Евлогий в своих воспоминаниях ограничился лишь констатацией того факта, что он отпевал Пуришкевича, который «умер в те дни от сыпняка» (Евлогий 1994: 326).

Есть и другие свидетельства. И.Ф. Наживин вспоминал, что смерть «громокипящего» Пуришкевича «теперь, в общей сумятице, прошла совершенно незамеченной, хотя его выстрел в Распутина и был, в

сущности, первым раскатом революционной грозы» (Наживин 1921: 309). Литературный критик Ю.И. Айхенвальд откликнулся на кончину своего университетского товарища, написав следующее: «Подхватил его смерч революции, покружил и отпустил в Новороссийске, а там перехватил его к себе сыпной тиф и погасил шумную жизнь этого, во всяком случае, недюжинного человека. Я слышал впоследствии, что никто почти не провожал его на кладбище: в коллективных и сплошных похоронах и самопохоронах, которыми занималась тогда Россия, было не до одинокой могилы Пуришкевича...» (РГАЛИ: 4). Известный журналист и редактор Б.А. Суворин вспоминал, что «на скромной панихиде, на которой собралась небольшая кучка его друзей и поклонников, священник сказал краткое прекрасное слово» (Суворин 1920: 3). А. Ветлугин (В.И. Рындзюн), в 1920 г. работавший журналистом на юге России, писал в вышедшем вскоре романе тоном очевидца: «Сперва похоронили Пуришкевича, потом князя Евгения Трубецкого. Такова была ирония Немезиды. В апогей норд-оста исхудалая, с ног валяющаяся лошаденка отвезла на кладбище два некрашенных забитых гроба. В день Пуришкевича еще можно было идти против ветра, не рискуя быть унесенным. В день Трубецкого по мостовым скрежетали сорванные вывески, громадный итальянский пароход снесло с якорей, и кучка людей, провожавшая князя, шаталась, как пьяная, задыхалась, как в астме. <...> В деревянном некрашеном гробу лежала лишь оболочка Пуришкевича, душа его умерла уже очень давно – 27 февраля 1917 г. Петербургский норд-ост предупредил своего новороссийского собрата» (Ветлугин 2000: 174–175).

Похороны В.М. Пуришкевича.

К счастью, благодаря новым архивным находкам у нас есть возможность не довольствоваться субъективными воспоминаниями и полухудожественной литературой, а увидеть происходившее 13 января 1920 г. в Новороссийске своими глазами. Всеволод Пуришкевич отнюдь

не умер вместе с отцом от тифа, как об этом писал А. Симанович (Симанович 1991: 161). После поражения Белого движения он вместе с матерью эмигрировал, какое-то время жил и работал в Югославии, а затем переехал в Бельгию, поступив в Лувенский университет (ГАРФ: 4 об.). Старшему сыну Пуришкевича удалось не только спастись самому, но и сохранить значительную часть архива своего отца за 1918–1920 гг. Среди прочих документов сохранились и фотографии с похорон В.М. Пуришкевича, находящиеся ныне в архиве Свободного университета Брюсселя (Université Libre de Bruxelles). На первой запечатлен вынос гроба с телом из Николаевского собора, уничтоженного в годы советской власти. Глядя на эту фотографию, нельзя сказать, что Пуришкевича провожали в последний путь толпы поклонников, но и малолюдными похороны точно не были: вокруг гроба собралось около 50 человек, включая небольшой военный оркестр (BE.ULB 2: 1). На второй и третьей фотографиях запечатлены могила с крестом и венками, а также наиболее близкие к покойному люди – вероятно, вдова, сын и партийные соратники (BE.ULB 2: 2–3). Всеволод Пуришкевич также сохранил и траурные ленты с венков, присланные от офицеров лейб-гвардии Уланского его величества полка и лейб-гвардии Конно-гренадерского полка (BE.ULB 3).

Еще один вопрос, который требует прояснения, касается места упокоения В.М. Пуришкевича. Согласно одной из версий, приведенной петербургским историком Д.И. Стоговым со ссылкой на сообщение С.Г. Божковой, «всех умерших от сыпного тифа хоронили в огромной братской могиле в Мефодиевке, недалеко от железнодорожного вокзала Новороссийска. При захоронении трупы обкладывали гашеной известью, дабы пресечь распространение опасных бактерий сыпного тифа. В братской могиле <...> могло быть похоронено несколько сотен человек, а, возможно, и более тысячи. Помимо Пуришкевича, тогда же в этой могиле был похоронен и известный русский философ Е.Н. Трубецкой, умерший за день

Могила В.М. Пуришкевича.

до кончины Владимира Митрофановича» (Стогов 2012: 242). Как далее пишет Стогов, «на месте тифозной братской могилы в довоенные годы была ярмарка», а в послевоенные годы «территория бывшего тифозного кладбища частично была передана железной дороге. Сейчас часть этой территории (к северо-западу от здания железнодорожного вокзала) занимают железнодорожные пути и станционные строения. Неподалеку, у здания вокзала, находится кольцо 6-го троллейбуса. Кроме того, в районе бывшего тифозного захоронения (район, ограниченный нынешними улицами Жуковского и Элеваторной) находятся несколько ветхих домов, построенных в советское время» (Стогов 2012: 243).

Однако дошедшие до нас фотографии с похорон Пуришкевича опровергают эту версию. На снимках видны обычное кладбище и отдельная, а отнюдь не братская могила. Скорее всего, политик был похоронен на городском кладбище, находившемся при Успенской (кладбищенской) церкви. Именно здесь, а не в Мефодиевке, был похоронен примерно в те же дни и князь Е.Н. Трубецкой. В пользу этого предположения говорит и то обстоятельство, что Успенская церковь была приписана к Николаевскому собору, в котором проходило отпевание Пуришкевича. Храм стоит и по сей день, хотя и в реконструированном виде – сегодня это Свято-Успенский кафедральный собор. А вот кладбище в 1930-е гг. было уничтожено. Ныне на его бывшей территории, ограниченной улицами Гладкова, Чайковского, Видова и Клары Цеткин, находятся военный госпиталь Черноморского флота, автовокзал, средняя школа № 21 и другие строения. В 1991 г. на примерном месте захоронения князя Трубецкого на территории военного госпиталя, являющегося режимным объектом, усилиями местных активистов был установлен закладной камень с надписью «Здесь будет поставлена часовня в память Е.Н. Трубецкого и всех в российской смуте убиенных» (Шило 2011). В 1993 г. на этом же месте был установлен памятный крест. Видимо, где-то поблизости с этим местом покоится и прах В.М. Пуришкевича.

Таким образом, благодаря новым источникам можно восстановить последний путь правого политика: 13 (26) января 1920 г. из Алексеевского госпиталя на Вельяминовской улице его тело было перенесено в Николаевский собор, где прошли отпевание и прощание, а затем процессия отправилась на кладбище при Успенской церкви.

В последующие после похорон дни вышел целый ряд материалов, посвященных памяти покойного. В некрологе, опубликованном в «Великой России», видный общественный деятель Н.Н. Чебышев писал: «Это была своеобразная фигура в ряду современных политических деятелей. В нем было много родственного с героями Достоевского.

Страстный, порой истеричный порыв, некоторая шаловливость мысли и жеста, тонкое чутье комического, необычайная искренность и смелость слова, верное понимание политического момента. Нетерпеливый, всегда спешивший темперамент, не выносивший отсрочек, нуждавшийся в немедленном претворении слова в дело, впадавший иногда в шумиху и озорство. Он любил острое слово. Его словечки, меткие колоритные определения повторялись всей Россией. Он был свободен от партийных предубеждений, переходил временно туда, где, по его мнению, была политическая правда данного момента» (Чебышев 1920: 2). В той же газете на следующий день один из видных членов группы В.В. Шульгина В.М. Левитский отмечал, как «удивительно тепло» проводили Пуришкевича «к месту вечного успокоения почти все газеты». «У русского интеллигента самое имя покойного Пуришкевича долго вызывало тошноту, – продолжал он. – И только наиболее чуткие и то в дни войны поняли, какое горячее русское сердце билось в груди этого человека» (Левитский 1920: 1).

Б.А. Суворин в «Вечернем времени» сокрушался о том, что перестало биться сердце «удивительного русского человека и пламенного патриота». Несмотря на то что у покойного было много врагов, Суворин полагал, что многие из них пожалеют «этого благородного человека, всецело отдавшего свою жизнь служению Родине». Русские же монархисты «с его смертью понесли непоправимую потерю. Вернее и честнее рыцаря монархической идеи не было. <...> Semper idem, всегда тот же, он неизменно любил свою Родину и служил ей до самой смерти честно, открыто, с поднятым забралом, с глубокой верой в святость своего идеала» (Суворин 1920: 3).

«Покойный В.М. Пуришкевич, хранимый Богом и на фронте, и в тылу армий, и от вражеской пули, и от яда, погиб <...> не от руки врага, а от... вши. Не ужасно ли? – вопрошал к двухлетней годовщине со дня смерти политика укrywшийся за инициалами “Ю. Р.” автор. – В кошмарном Новороссийске, среди ужаса тыла не русской действующей армии, а Добровольческой, он пал жертвой любви и долга к России. Великие несправедливости чинили ему. Выселяли из городов, запрещали и срывали лекции; он носился из одного центра Добровольческой армии в другой, жаждал работы. Его никуда не пускали, травили, и, как затравленный зверь, надорвался он от любви к России, к своим детям и слег. В тифозном бреду он бредил Врангелем, еще не зная о его назначении». В этой панегирической заметке автор, называя Пуришкевича «одним из последних богатырей нашей русской великодержавности», патетически восклицал: «Те, кто любит Россию по-настоящему, не может не любить Владимира Митрофановича Пуришкевича. Среди серости и мглы это была великая историческая

фигура рыцаря. Его дело, дело нашей Родины, завещанное им, дорого всем любящим Великую Россию» (Ю.Р. 1922: 2).

Поэт-монархист С.С. Бехтеев, один из лидеров ВНГП, последнего детища Пуришкевича, трогательными стихотворными строками отозвался на внезапную кончину этого незаурядного, яркого и, не побоимся этого слова, выдающегося русского политика начала XX в. (Бехтеев 2002: 184–185):

Еще печаль, еще утрата
На радость грозным силам тьмы!
Певца идей, борца, собрата
Безвременно хороним мы...

Еще недавно перед нами,
Бичуя красный произвол,
Гремел победными громами
Его торжественный глагол.

Его апостольское слово
Рождало слезы и экстаз,
Порой с тоской, порой сурово
Зовя к борьбе и жертвам нас.

И нет его сегодня с нами.
Пророка истины святой,
С его правдивыми устами,
С его пылающей душой.

Теперь, безвольный и бессильный,
Он спит, бесчувственный к борьбе...
Да будет легок прах могильный,
Народный труженик, тебе!

Поэт и журналист К.Я. Шумлевич, находившийся в те дни в Новороссийске, также написал стихотворение «На смерть Пуришкевича», удивительным образом перекликающееся с произведением Бехтеева (Шумлевич 1920: 3):

Еще одна тяжелая утрата,
Еще один оторванный оплот...
От нас ушел навеки, без возврата,
Поэт и пламенный, прекрасный патриот!

Казалось, он поборет все стихии.
Железной волей скованный гигант,
Он смело нес на жертвенник России
Энергию, отвагу и талант.

И подвиг свой запечатлел он кровью,
Без жалости себя он погубил.
Поклонимся ему с такою же любовью,
Какою сам он Родину любил!

Вполне естественно, что националистическая и правая пресса превозносила В.М. Пуришкевича. Но и его бывшие оппоненты нашли несколько добрых слов для покойного. «Что если бы несколько лет тому назад, когда Россия выковывала в Таврическом дворце свою политическую свободу под свист и улюлюканье Пуришкевича, нам сказали, что о его смерти объявят как о смерти великого патриота и будет оплакана многими и многими? – задавался вопросом известный "прогрессивный" журналист и литературный критик Сергей Яблоновский (С.В. Потресов) и отвечал сам себе. – Мы улыбнулись бы и укоризненно покачали головами. А если бы нам сказали, что оплакивание Пуришкевича в качестве великого патриота произойдет после революции? После того, как Россия порвала все цепи, опрокинула все преграды, «отреклась от старого мира» и явила вселенной картину того, «чего нет на свете». Мы назвали бы говорящего сумасшедшим. И вот Пуришкевич умер, названный великим патриотом, и мы обязаны установить, что это наименование будет повторено огромным количеством людей». Как писал далее Яблоновский, «целый ряд лет вместо лица человеческого, лика, созданного по образу и подобию Божию, мы видели маску со ртом, растянутым до ушей, с набеленным лицом, с ярко размалеванным румянцем, с яркими вихрами, выбивающимися из-под колпака», но затем, с началом мировой войны, отношение общества к Пуришкевичу стало меняться. И вот массы уже «рукоплещут ему, потому что говорит он о спасении родины, которую все мы так жаждем видеть спасенной». И теперь, «в дни, когда Россию истязают Ленин и Троцкий, она, злополучная, ищет спасения у Пуришкевича. Пуришкевич в образе народного героя – в глазах многих честных и порядочных людей; Пуришкевич, уходящий из жизни в качестве славнейшего патриота, – может быть, это самое яркое доказательство трагизма переживаемых нами дней». Поэтому, заключал Яблоновский, «судьба улыбнулась» Пуришкевичу и «позволила ему умереть не в размалеванной маске, а с человеческим серьезным лицом гражданина» (Яблоновский 1920: 2–3).

Либеральная одесская газета «Современное слово» высказалась о почившем правом политике более критично: «В другое время, при обстоятельствах более спокойных, можно было бы посвятить немало строк некрологу этой колоритной личности, сверкавшей всеми цветами реакционной радуги. Сейчас вряд ли уместно уделять внимание

отдельной личности, хотя бы и сыгравшей некоторую роль в старой России. <...> По иронии судьбы Пуришкевич дал первый толчок той самой революции, жесточайшим врагом и ненавистником которой он являлся до последней минуты своей жизни. Он первый поразил царизм, к бессмысленному воскрешению которого позже прилагал все свои тщетные усилия. Таковы grimасы истории...» (Современное слово 1920: 2).

Информация о смерти В.М. Пуришкевича разошлась по стране далеко не сразу. Например, в Киеве о ней узнали только в мае 1920 г., причем новость пришла из Крыма, а местом смерти ошибочно был указан Екатеринодар (Киевский день 1920: 2). Фигура Пуришкевича была настолько яркой, что многие не могли поверить в его смерть. А огромная популярность, сопутствовавшая правому политику как до революции, так и после нее, привела к тому, что в начале 1920-х гг. объявились самозванцы, пытавшиеся заработать на этом громком имени. Берлинский «Наш мир» сообщал, что весной 1924 г. «в Америке какой-то авантюрист под именем давно умершего Пуришкевича читает лекции об убийстве Распутина. Бразильские и мексиканские газеты печатают портрет «Пуришкевича» и его жены и посвящают ему огромные статьи» (Наш мир 1924: 8). В дополнение к заметке «Наш мир» приводил фотографию, изображающую лже-Пуришкевича во время его пребывания в Нью-Йорке. И уже только этот факт как нельзя лучше показывает ту огромную популярность В.М. Пуришкевича, даже после своей смерти продолжавшего вызывать широкий общественный интерес.

ЛИТЕРАТУРА

BE.ULB 1-Université Libre de Bruxelles. Fonds extérieurs à l'ULB. Puriskevic, Vladimir, 1907–1920 [papier] (далее – BE.ULB). BE.ULB A&B-ARCH. 002Z. 105.

BE.ULB 2 - BE.ULB A&B-ARCH. 002Z. 113.

BE.ULB 3 - BE.ULB A&B-ARCH. 002Z. 127, 128, 129.

Бехтеев 2002 - Венок на могилу В.М. Пуришкевича // Бехтеев С.С. Грядущее. Стихотворения. СПб.: Издание Успенского подворья Оптиной Пустыни, 2002.

Ветлугин 2000 - *Ветлугин А.* Записки мерзавца. М.: Лаком, 2000.

Вечернее время 1920 - Гибель Пуришкевича, гр. Гендрикова и др. // Вечернее время (Новороссийск). 1920. 3 марта. № 482.

Волков 2002 - *Волков С.В.* Офицеры российской гвардии. Опыт мартиролога. М.: Русский путь, 2002.

ГАРФ - Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-5974. Оп. 1. Д. 174.

- Голицын 2008 - *Голицын А.Д.* Воспоминания. М.: Русский путь, 2008.
- Долгорукий 2007 - *Долгорукий П.Д.* Великая разруха. Воспоминания основателя партии кадетов. 1916–1926. М.: Центрполиграф, 2007.
- Евлогий 1994 - *Путь моей жизни.* Воспоминания митрополита Евлогия (Георгиевского), изложенные по его рассказам Т. Манухиной. М.: Московский рабочий; Издательский отдел Всецерковного православного молодежного движения, 1994.
- Киевский день 1920 - *Смерть В.М. Пуришкевича // Киевский день (Киев).* 1920. 18 мая. № 3.
- Левитский 1920 - *Вал. Л. [Левитский В.М.] Мой блокнот // Великая Россия.* 1920. 15 (28) января. № 381.
- Литвинов 1930 - *Литвинов А.* С лейб-драгунами в гражданской войне // *Лейб-драгуны дома и на войне.* Париж: Imprimerie «Pascal», 1930. Вып. 3.
- Маклаков 2005 - *Маклаков В.А.* В издательство «Я.Е. Поволоцкий и К°» / Вместо предисловия // *Последние дни Распутина.* М.: Захаров, 2005.
- Наживин 1921 - *Наживин И.Ф.* Записки о революции. Вена: Русь, 1921.
- Наживин 1995 - *Наживин И.* Распутин: роман. Книга вторая. М.: Армада, 1995.
- Наш мир 1924 - *Наш мир (Берлин).* 1924. 22 июня. № 14.
- Похороны 1920 - *Похороны В.М. Пуришкевича // Черноморские губернские ведомости.* 1920. 17 (30) января. № 139.
- Пуришкевич 1922 - *Пуришкевич Л.[В.]* Открытое письмо Атаману Краснову // *Новое время (Белград).* 1922. 8 марта. № 260.
- РГАЛИ - Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 1175. Оп. 2. Д. 57.
- Римский 1920 - *Римский Г.* Грозная опасность // *Черноморские губернские ведомости (Новороссийск).* 1920. 23 января (5 февраля). № 144.
- Русское время 1920 - *Похороны В.М. Пуришкевича // Русское время (Новороссийск).* 1920. 14 января. № 10.
- Савелов 2015 - *Савелов Л.М.* Воспоминания. М.: Старая Басманная, 2015.
- Симанович 1991 - *Симанович А.* Распутин и евреи. М.: Внешторгиздат, 1991.
- Симанович 2005 - *Симанович А.* Распутин и евреи. Воспоминания личного секретаря Григория Распутина. М.: Яуза, 2005.
- Современное слово 1920 - *В.М. Пуришкевич // Современное слово (Одесса).* 1920. 24 января (6 февраля). № 19 (83).
- Соколов 1921 - *Соколов К.Н.* Правление генерала Деникина (Из воспоминаний). София: Российско-болгарское книгоиздательство, 1921.
- Стогов 2012 - *Стогов Д.И.* Черносотенцы: жизнь и смерть за великую Россию. М.: Институт русской цивилизации; Алгоритм, 2012.
- Суворин 1920 - *Суворин Б.* Памяти великого патриота // *Вечернее время.* 1920. 13 января. № 447.

ЧГВ 1920 - Черноморские губернские ведомости. 1920. 9 (22) января. № 132.

Чебышев 1920 - *Н.Ч. [Чебышев Н.Н.] Пуришкевич // Великая Россия (Новороссийск)*. 1920. 14 (27) января. № 380.

Шевырин 2007 - *Шевырин В.* Евгений Николаевич Трубецкой: «Государство должно быть не опекуном, а миротворцем» // *Российский либерализм: идеи и люди*. 2-е изд., испр. и доп. М.: Новое изд-во, 2007.

Шило 2011 - *Шило С.* Евгений Николаевич Трубецкой. Последние дни жизни. 2011. 27 августа. URL: <http://www.myeekaterinodar.ru/ekaterinodar/articles/ekaterinodar-evgeniiy-nikolaevich-trubecskoiy-poslednie-dni-zhizni> (дата обращения: 28.09.2016).

Шумлевич 1920 - *Шумлевич К.* На смерть Пуришкевича // *Вечернее время*. 1920. 13 января. № 447.

Ю.Р. 1922 - *Ю.Р. В.М. Пуришкевич // Новое время*. 1922. 29 января. № 229.

Яблоновский 1920 - *Яблоновский С. [Потресов С.В.]* Лики Пуришкевича // *Русское время*. 1920. 14 января. № 10.

REFERENCES

Université Libre de Bruxelles. (n.d.) *Fonds extérieurs à l'ULB. Purishevich, Vladimir, 1907–1920* [Funds outside the ULB. Purishkevich, Vladimir, 1907–1920]. BE.ULB A&B-ARCH. 002Z. 105.

Université Libre de Bruxelles. (n.d.) *BE.ULB A&B-ARCH*. 002Z. 113.

Université Libre de Bruxelles. (n.d.) *BE.ULB A&B-ARCH*. 002Z. 127, 128, 129.

Bekhteev, S.S. (2002) *Gryadushchee. Stikhotvoreniya*. [The Future. Poems]. St. Petersburg: Uspenskoe podvor'e Optinoy Pustyni.

Vetlugin, A. (2000) *Zapiski merzavtsa* [Notes of a scoundrel]. Moscow: Lakom. *Vechnee vremya (Novorossiysk)*. (1920) Gibel' Purishkevicha, gr. Gendrikova i dr. [The Death of Purishkevich, Count Hendrikov and others]. 3rd March. 482.

Volkov, S.V. (2002) *Ofitsery rossiyskoy gvardii. Opyt martirologa* [The officers of the Russian Guard. An experience of a martyrology]. Moscow: Russkiy put'.

The State Archives of the Russian Federation (GARF). Fund R-5974. List 1. File 174.

Golitsyn, A.D. (2008) *Vospominaniya* [Memories]. Moscow: Russkiy put'.

Dolgorukiy, P.D. (2007) *Velikaya razrukha. Vospominaniya osnovatelya partii kadetov. 1916–1926* [A great devastation. Memories of the founder of the Cadets. 1916–1926]. Moscow: Tsentrpoligraf.

Eulogius of Paris. (1994) *Put' moey zhizni. Vospominaniya Mitropolita Evlogiya (Georgievskogo), izlozhennye po ego rasskazam T. Manukhinoy* [The path of my life. Memoirs of Metropolitan Eulogius (Georgievsky)]. Moscow: Moskovskiy rabochiy.

Kievskiy den'. (1920) Smert' V.M. Purishkevicha [The death of V.M. Purishkevich]. 18th May. 3.

- Levitskiy, V.M. (1920) *Moy bloknot* [My notebook]. *Velikaya Rossiya*. 15th (28th) January. 381.
- Litvinov, A. (1930) *S leyb-dragunami v Grazhdanskoy voyne* [With Dragoon Guards in the Civil War]. In: Romanovich, A. et al. *Leyb-draguny doma i na voyne* [The Dragoon Guard at Home and at War]. Issue 3. Paris: Imprimerie "Pascal".
- Maklakov, V.A. (2005) *V izdatel'stvo "Ya.E. Povolotskiy i K"* [To the Publishing House "Ya.E. Povolotskiy i K"]. In: Purishkevich, V. & Yusupov, F. *Poslednie dni Rasputina* [The last days of Rasputin]. Moscow: Zakharov.
- Nazhivin, I.F. (1921) *Zapiski o revolyutsii* [Notes on the Revolution]. Vienna: Rus'.
- Nazhivin, I. (1995) *Rasputin* [Rasputin]. Book 2. Moscow: Armada.
- Nash mir*. (1924) 22nd June. 14.
- Chernomorskie gubernskie vedomosti*. (1920) Pokhorony Purishkevicha [V.M. Purishkevich's funeral]. 17th (30th) January. 139.
- Purishkevich, L.[V.]. (1922) *Otkrytoe pis'mo Atamanu Krasnovu* [An open letter to Ataman Krasnov]. *Novoe vremya (Belgrad)*. 9th March. 260.
- The Russian State Archives of Literature and Art (RGALI). (n.d.) Fund 1175. List 2. File 57.
- Rimskiy, G. (1920) *Groznaya opasnost'* [Threatening danger]. *Chernomorskie gubernskie vedomosti*. 23rd January. 144.
- Russkoe vremya (Novorossiysk)*. (1920) Pokhorony V.M. Purishkevicha [V.M. Purishkevich's funeral]. 14th January. 10.
- Savelov, L.M. (2015) *Vospominaniya* [Memories]. Moscow: Staraya Basmannaya.
- Simanovich, A. (1991) *Rasputin i evrei* [Rasputin and the Jews]. Moscow: Vneshtorgizdat.
- Simanovich, A. (2005) *Rasputin i evrei. Vospominaniya lichnogo sekretarya Grigoriya Rasputina* [Rasputin and the Jews. Memories of G. Rasputin's Personal Secretary]. Moscow: Yauza.
- Sovremennoe slovo (Odessa)*. (1920) V.M. Purishkevich. 24th January. 19(83).
- Sokolov, K.N. (1921) *Pravlenie generala Denikina (Iz vospominaniy)* [Under General Denikin. From the memories]. Sofia: Rossiysko-bolgarskoe knigoizdatel'stvo.
- Stogov, D.I. (2012) *Chernosotensy: zhizn' i smert' za velikuyu Rossiyu* [The Black Hundreds: Life and death for the Great Russia]. Moscow: Algoritm.
- Suvorin, B. (1920) *Pamyati velikogo patriota* [In memory of a great patriot]. *Vechnoe vremya*. 13th January. 447.
- Chernomorskie gubernskie vedomosti*. (1920) 9th(22nd) January. 132.
- N.Ch. [Chebyshev N.N.]. (1920) Purishkevich [Purishkevich]. *Velikaya Rossiya (Novorossiysk)*. 14th(27th) January. 380.
- Shevyrin, V. (2007) Evgeniy Nikolaevich Trubetskoy: "Gosudarstvo dolzhno byt' ne opekunom, a mirotvortsem" [E.N. Troubetskoy: "The state should be a peacemaker rather than a guardian"]. In: Kara-Murza, A.A. (ed.) *Rossiys-*

kiy liberalism: idei i lyudi [Russian Liberalism: Ideas and People]. Moscow: Novoe izd-vo.

Shilo, S. (2011) *Evgeniy Nikolaevich Trubetskoy. Poslednie dni zhizni* [E.N. Troubetskoy. The last days of life]. [Online] Available from: <http://www.myekaterinodar.ru/ekaterinodar/articles/ekaterinodar-evgeniyy-nikolaevich-trubetskoiy-poslednie-dni-zhizni> (Accessed: 28th September 2016).

Shumlevich, K. (1920) Na smert' Purishkevicha [To the death of Purishkevich]. *Vechnoe vremya*. 13th January. 447.

Yu.R. (1922) V.M. Purishkevich [V.M. Purishkevich]. *Novoe vremya*. 29th January. 229.

Yablonovskiy, S. [Potresov, S.V.]. (1920) Liki Purishkevicha [The faces of Purishkevich]. *Russkoe vremya*. 14th January. 10.

Иванов Андрей Александрович – доктор исторических наук, доцент кафедры новейшей истории России Института истории Санкт-Петербургского государственного университета (Россия).

Ivanov Andrei - Saint Petersburg State University (Russia).

E-mail: andriv78@yandex.ru

Чемакин Антон Александрович – Санкт-Петербург (Россия).

Chemakin Anton - Saint Petersburg (Russia).

E-mail: chemakinanton@rambler.ru